В. В. Лемиш

ФЕНОМЕН ГЕРОНТОКУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предпринята попытка обосновать существование субкультуры старения как особого феномена. В качестве структурных элементов геронтокультуры рассматриваются ценности, формы общения и образ жизни. Выделенные компоненты проанализированы с точки зрения особенностей их проявления на социальном и психологическом уровнях.

Исследование психологических возрастных закономерностей традиционно осуществляется в естественнонаучной методологической парадигме. Вместе с тем, как отмечает В. В. Абраменкова[1], в последнее время наметилась тенденция привлечения широких гуманитарных знаний в эту область, что позволяет более полно учитывать влияние культуры на развитие личности. В частности, рас-

смотрение возраста через призму субкультуры открывает возможности для изучения его как целостного феномена.

В психологии феномен субкультуры, хотя и стал объектом исследования, однако изучается явно недостаточно. Косвенное доказательство этого — отсутствие данного понятия в психологических словарях.

Определение сущности субкультуры можно найти только в справочной социологической литературе. В частности, в «Большом толковом социологическом словаре» дано следующее определение субкультуры: «Субкультура — система убеждений, ценностей и норм, которые разделяются и активно используются явным меньшинством людей в рамках определенной культуры. ...Субкультура, как и культура вообще, — результат коллективного творческого потенциала и посему подвергается историческим изменениям и преобразованиям»[2]. В словаре-справочнике авторов Т. Лоусон, Д. Гэррод также отмечается, что субкультура — это «отличительная группа общества, члены которой разделяют общие ценности и придерживаются сходных форм поведения. Субкультура может формироваться на основе определенных социальных характеристик, как например, по признаку этнической принадлежности, или опираться на стиль, выработанный зачинателями субкультуры, например, панк-культуры. Зачастую субкультура имеет некоторые общие черты с доминирующей культурой общества, но может и противоречить ей»[3].

Таким образом, в социологии понятие субкультуры связано, прежде всего, с системой ценностей, убеждений, норм, а также с формами поведения. Важным моментом в понимании сущности субкультуры является то, что данный феномен исторически обусловлен.

Появление феномена возрастных субкультур во многом детерминировано увеличением продолжительности жизни человека, усложнением процессов социализации.

Наиболее активно изучается субкультура детства. Как отмечает М. В. Осорина, впервые на это явление обратили внимание этнографы, филологи. В частности, в России первым исследовал культурную систему детского мира известный профессор фольклорист Г. С. Виноградов, который в 20-х годах прошлого столетия опубликовал ряд работ на эту тему. Во второй половине XX века мощным толчком в изучении детской субкультуры в разных странах мира стала книга английских ученых Айоны и Питера Опи «Фольклор и язык школьников», которая определила стратегию исследований на три десятилетия вперед[4]. Безусловно, важным событием стала и книга М. Мид «Культура и мир детства», в которой описывалось взросление детей в первобытных культурах.

Исследование субкультуры является междисциплинарной областью. И в современной психологии, и в социологии субкультура возрастных групп представлена преимущественно исследованиями подростковой, молодежной субкультуры. В последнее время активно изучается субкультура детей-дошкольников. Исследования, посвященные геронтокультуре или субкультуре поздней взрослости, единичны. Более того, некоторые авторы ставят под сомнение само существование данного феномена. Например, В. П. Козырьков, признавая, что «пожилой человек — это не столько возрастная, сколько социокультурная категория», вместе с тем далее утверждает: «Возрастной подход к выделению форм культуры имеет под собой определенную логику, но вряд ли, например, можно говорить о культуре по-

жилых людей…. Пожилые люди являются носителями доминирующей формы культуры»[5].

Работа Г. С. Сухобской и Н. М. Божко — одна из немногих, в которой геронтокультура рассматривается как особый феномен. Авторы рассматривают геронтокультуру как «совокупность некоторых жизненных принципов, позиций, отношений к пожилым людям и пожилых людей к жизни, к социуму, к самому себе». При этом они подчеркивают, что, в отличие от молодежной субкультуры, которую создает себе молодежь, геронтокультура не является культурой для пожилых. «Геронтокультура есть своего рода философия жизни и старения»[6]. Г. С. Сухобская и Н. М. Божко также отмечают, что, хотя субкультуры разных эпох и народов сильно отличаются, и поэтому вряд ли можно говорить о единой геронтокультуре, однако в настоящее время наблюдается сближение ценностей и жизненных установок образованных людей пожилого возраста во многих странах мира, включая Россию.

Исследование геронтокультуры, безусловно, является важным аспектом психологии старения и нуждается в осмыслении. Однако проблема анализа данного феномена во многом осложняется целым рядом обстоятельств.

Во-первых, геронтокультура является более поздним образованием, чем детская субкультура. Старость — феномен социальный, обусловленный развитием цивилизации и увеличением продолжительности жизни, и современные границы этого явления еще не оформились. Подобная ситуация существовала и в отношении детства и соответственно субкультуры детства. Детство качественно изменялось в процессе исторического развития людей и далеко не сразу приобрело развитые формы, которые характерны для современной цивилизации. Формирование субкультуры детства прошло ряд этапов. Старость, как и детство, имеет свою историю, которая, кстати, еще фактически не изучена. Геронтокультура находится в стадии становления, она не приобрела развитых форм.

Во-вторых, если носителем детской субкультуры является детская группа, детское сообщество, то старые люди в меньшей степени склонны группироваться со сверстниками. Большую роль в жизни людей третьего возраста играют межпоколенные отношения, и в этом состоит одно из существенных отличий геронтокультуры от детских субкультур. В результате субкультура пожилых людей представлена в менее четкой, размытой и в то же время более разнообразной, дифференцированной форме.

В-третьих, детство прошли все взрослые, в то время как до старости доживают не все. В течение долгого периода истории человечества старые люди составляли очень небольшую часть населения, поэтому особой необходимости в осмыслении специфики геронтокультуры не возникало, иными словами, для разработки данной проблемы не было социального заказа.

Наконец, в-четвертых, в значительной степени геронтокультура зависит от индивидуальных особенностей старения, а также от тех социально-экономических условий, в которых живут пожилые люди.

Именно совокупность этих обстоятельств, на наш взгляд, и порождает точку зрения, состоящую в отрицании существования данного феномена.

Таким образом, старость как общественно-исторически обусловленный феномен еще не приобрела развитых форм. Соответственно и геронтокультура находится в стадии становления. Поэтому она обладает, с одной стороны, универсальными специфическими признаками,

а с другой стороны, ее характеристики в значительной степени различаются в разных культурах.

При анализе геронтокультуры могут оказаться полезными идеи, которые имеются в работе В. В. Абраменковой, посвященной детской субкультуре. В частности, В. В. Абраменкова дает определение детской субкультуры в широком и узком значении. «Детская субкультура — в широком смысле — все, что создано человеческим обществом для детей и детьми; в более узком — смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития»[7].

Применяя этот подход к исследованию субкультуры старения, можно сказать, что определение Г. С. Сухобской и Н. М. Божко имплицитно объединяет широкое и узкое понимание сущности геронтокультуры. Рефлексия различных уровней анализа, по нашему мнению, поможет глубже проникнуть в суть изучаемого явления.

В данной статье предпринята попытка обосновать и проанализировать компоненты геронтокультуры, выделить особенности их проявлений на макро- и микроуровнях.

В качестве структурных элементов геронтокультуры рассматриваются *ценности*, *формы общения* и *образ жизни*.

Если исходить из самого общего представления, то геронтокультура как вид субкультуры включает в себя систему *ценностей*. Однако столь общее определение не раскрывает специфики этого феномена. Необходимо выделить особые, специфические ценности, характерные именно для данной возрастной субкультуры. В соответствии с двумя уровнями анализа понимания сущности геронтокультуры необходимо выделять два аспекта.

Один — отражает те ценности, которые существуют в обществе и связаны с культурно-историческими особенностями данного социума. Они зафиксированы в общественном сознании, например, в виде пословиц и поговорок; проявляются в той реальной политике, которую проводит государство в отношении стареющего поколения, например, в установлении возрастных норм выхода на пенсию, в наличии реальных (а не декларируемых) социальных льгот, социальных программ, ориентированных на данную возрастную категорию людей, и даже в семантике слов, которыми мы именуем представителей старшего поколения. Сами слова «старость» и «пожилые люди» несут на себе негативное семантическое значение, что отражается и на самосознании стариков и на отношении к ним более молодых слоев населения. В Германии, например, пожилых не именуют старыми людьми или даже людьми «третьего возраста», их почтительно называют Senioren (уважаемый).

Важным моментом формирования геронтокультуры, в широком смысле, является отношение общества к старикам. Это отношение менялось в зависимости от экономических условий, а также доминировавших ценностей. Например, в обществах, в которых царил культ физической красоты, интересы пожилых людей ущемлялись; в обществах, в которых принимались более символические идеалы, преобладала ориентация на духовную красоту, к этим людям относились с почтением[8]. Диапазон положения старого человека в обществе за время существования человечества был очень широк: от обязанности умерщвления старых родителей до геронтократии, существовавшей в Древней Греции, когда в управлении государством могли участвовать лишь люди, достигшие 60 лет[9].

Современное общество также до конца не определилось в своей позиции. В нем существуют два устоявшихся, противоположных по своей сути образа стариков: позитивный (почтенный мудрец с белой головой и богатым опытом) и негативный (старик в маразме). Вместе с тем от отношения общества к стареющему поколению зависит решение целого ряда практических задач, в частности, характер, направление социальной политики. Например, обществу необходимо определиться, должна ли социальная политика быть направлена на продление активности стареющих людей или на обеспечение спокойной, но пассивной старости. Не менее важным является вопрос о том, должно ли общество стимулировать формирование геронтокультуры или, наоборот, не подчеркивая специфики старения, акцентировать внимание на том, что пожилые люди — это, прежде всего, взрослые люди.

Второй аспект во многом связан с первым, однако имеет свою специфику: это ценностные ориентации самих пожилых людей, являющиеся важнейшим элементом внутренней структуры личности, обеспечивают ее устойчивость и являются интегратором личности.

Система ценностей самих пожилых людей как особой социальной группы изучена явно недостаточно. Появившиеся немногочисленные исследования носят прикладной характер. Как правило, ценностные ориентации в них либо ранжируются, либо оцениваются с точки зрения значимости для личности (в этом случае «вес» ценностных ориентаций оценивается в баллах), но в обоих случаях респондентам предлагается определенный набор этих ценностей. Причем он является неким универсальным набором, который может быть применен для исследования ценностей любой возрастной группы. Безусловно, такой подход имеет право на существование и соответствует определенным целям исследования (например, при сравнении ценностных ориентаций различных поколений). Однако когда речь идет о ценностях как элементе геронтокультуры, такой подход не является адекватным и не позволяет в полной мере выявить специфику ценностей старшего поколения.

Специфические ценностные ориентации людей пожилого возраста связаны, во-первых, с их социальной ситуацией развития: с выходом на пенсию, с сужением круга общения, а во-вторых, с задачами развития личности на данном возрастном этапе: с необходимостью подведения итогов своей жизни, ее переосмысления, интеграции, принятия. В связи с этим на первый план выступают экзистенциальные ценности: отношение к жизни и смерти, отношения с близкими людьми, иначе говоря, то, что Г. С. Сухобской и Н. М. Божко было обозначено как философия жизни и смерти. Мы считаем, что изучение ценностных ориентаций людей третьего возраста как элемента геронтокультуры требует, прежде всего, теоретического осмысления, на основе которого затем и могут быть проведены эмпирические исследования.

Другой важной составляющей субкультуры являются *формы общения*. При изучении детских субкультур анализируются особенности общения со сверстниками. В период поздней взрослости, как уже отмечалось, на первый план выступают межпоколенные отношения. Они также проявляются как на уровне общества, так и на уровне индивидуальной жизни.

На уровне общества межпоколенные отношения выступают как проблема «отцов и детей». Сама эта проблема существует давно, фактически являясь ровесницей цивилизации. Однако в нашем обществе она усугубляется еще и карди-

нальной сменой ценностей, произошедшей в конце прошлого столетия. Характер этих отношений укладывается в континуум «преемственность — конфликт».

Преемственность основана на уважении и признании мудрости, эффективности опыта старшего поколения. В обществах, где со старыми людьми советуются, где оказывается востребованным их опыт, конфликтов не наблюдается.

Для описания равнодушно-пренебрежительной установки в отношении пожилых людей в психологии существует специальный термин «эйджизм», который был введен американским психологом Р. Батлером. Эйджизм предполагает восприятие пожилых людей как интеллектуально несостоятельных, старомодных в своих взглядах (в том числе относительно моральных норм), в образе жизни и имплицитно содержит в себе презрение молодых и сильных к старым и слабым.

Многие авторы признают, что пожилые являются группой, восприятие которой подвергается стереотипным представлениям. Причем большинство исследователей склоняются к тому, что пожилые люди обычно воспринимаются негативно.

Присутствует ли эйджизм в российском обществе? Исследования в данной области единичны и противоречивы. Например, О. В. Краснова, проанализировав историю формирования аттитюдов к пожилым и старикам, пришла к выводу, что «представление о "негативных представлениях старости" само является широко распространенным стереотипом»[10].

Однако эмпирическое исследование Б. Г. Тукумцева и О. В. Юсуповой, проведенное в 2001 году, показало, что эйджизм в нашем обществе является реальностью. Данные были получены на основе анализа автобиографических сочинений студентов: «Пожилые люди в нашей жизни».

Примечательно, что в самом начале своих сочинений подавляющая часть респондентов положительно оценила роль пожилых в обществе, причем многие облекали свои ответы в сложившиеся стереотипные формулы («наша история», «носители опыта, мудрости», «важная часть общества»). Но далее, часто в этих же сочинениях, была представлена прямо противоположная позиция («у нас в России не принято отдавать пожилых родственников в дома для престарелых, а вообще, — желательно», «они если и нужны, то только в качестве домохозяек» и т. п.).

Комментируя противоречивость высказываний молодежи относительно их представлений о роли пожилых людей в обществе, исследователи отмечают: «Создается впечатление, что авторы этих строк полностью абстрагируются от возможности каких-то родственных связей и ответственности перед теми пожилыми людьми, о которых они говорят. Они воспринимают их как посторонних (а может быть, потусторонних) субъектов, с которыми не только их, но и никого другого не могут связывать какие-либо чувства и отношения»[11].

Выявленные факты, на наш взгляд, также свидетельствуют и о том, что молодые люди часто не проявляют эйджизм открыто или осознанно: декларируя уважение к старшему поколению вообще, меняют отношение на противоположное при описании и оценке своего обыденного взаимодействия с пожилым и стариком. Поэтому исследователи должны находить более тонкий инструментарий при выявлении эйджизма, чем, например, анкетирование, основанное на открытых вопросах.

При рассмотрении проблемы стереотипов восприятия пожилых людей неиз-

бежно встает вопрос о происхождении, генезисе этих стереотипов. Кто или что способствует формированию определенных взглядов на пожилых людей? Достаточно очевидно, что в этом процессе важную роль играет вся система социальных институтов.

Особую роль здесь играет семья. Так, исследование Е. Н. Альдохиной[12] показало, что представление о пожилых родственниках у детей и подростков при совместном проживании с ними и вне зависимости от характера их отношений с внуками обусловливает общий взгляд на пожилых людей.

Однако в современных условиях семья претерпела существенные структурные изменения: при одновременном существовании трех, четырех, а то и пяти поколений наметилась явная тенденция их раздельного проживания[13]. В результате часто молодое поколение не имеет достаточного опыта близких, ежедневных, непосредственных контактов с представителями старшей возрастной когорты, а информацию друг о друге получают из других источников, прежде всего — из СМИ.

Стереотипы, как известно, формируются благодаря дефициту информации, а также ее тенденциозной подаче. Анализ российских газетных публикаций на предмет того, какой образ пожилого человека в них создается, показывает, что в подавляющем большинстве случаев этот образ маргинален, диффузен[14].

Телевидение, обладающее более мощными, чем другие СМИ, возможностями формирования отношения к пожилым (поскольку здесь произносимое слово подкрепляется и конкретным визуальным образом), также не способствует формированию позитивного образа пожилого человека в нашем обществе. Проанализировав передачи российского телевидения, О. Н. Данилова[15] пришла к выводу, что не только на разных каналах российского ТВ, но и в разных сюжетах одного канала отсутствует единая идеологическая концепция образа пожилого человека.

Объективная информация о пожилых людях представляется в специализированных изданиях, ориентированных на узких специалистов, поэтому воздействовать на общественное мнение в большинстве своем она не может. Кроме того, сами ученые могут поддаваться влиянию распространенных предрассудков. Своими работами ученые иногда порождают и распространяют новые стереотипы, как это было, например, с представлениями об интеллекте пожилых людей. Традиционным взглядом была концепция так называемого «интеллектуального дефицита», она и сейчас транслируется во многих публикациях и успела достаточно прочно укорениться в общественном сознании.

Задача формирования нестереотипного, адекватного образа старости и позитивного отношения к пожилым и старым людям должна решаться не самими пожилыми людьми, а обществом в целом, и, прежде всего, она ложится на плечи активно действующего молодого поколения.

К базовым ценностям молодежь, наряду с традиционными, устоявшимися, относит: создание семьи, получение образования, профессиональную самореализацию. Сюда же должны входить и ценности, связанные с отношением к старикам. Многопоколенное общество — социальная реальность сегодняшнего дня. Вместе с тем эйджизм и отсутствие ценностей, связанных с моделями общения разных поколений, обедняет восприятие этой социальной реальности. Уважение к старикам нужно не только старшему поколению, но и самой молодежи.

Проблема усугубляется еще и тем, что, выйдя на пенсию, пожилые люди часто сами не представляют, какие ожидания существуют по отношению к ним со стороны их близких. Нередко эти представления ограничиваются участием в хозяйственных делах, которые, как известно, имеют низкий статус. Наиболее благоприятная ситуация складывается там, где, с одной стороны, оказывается востребованным опыт старшего поколения, а, с другой — сами пожилые оказываются способными учиться у молодых.

В психологических исследованиях, посвященных изучению межпоколенных взаимодействий в период поздней взрослости на уровне индивидуальной жизни, показано, что самой значительной сферой общения для представителей старшего поколения является общение с детьми и внуками. Более того, описания детей и внуков, рассказы об их успехах входят в Я-концепцию пожилого человека, сохраняя перспективу личностного развития и способствуя осознанию ценности своего «Я». Появление нового поколения в семье влечет за собой необходимость освоения новой роли — роли бабушки/дедушки.

Исследования в данной области немногочисленны. Но и они показывают сложность процесса становления межпоколенных отношений. Далеко не каждый пожилой человек готов принять на себя новую роль. Ее освоение требует существенной перестройки сложившейся иерархии отношений. В частности, необходимо согласовать появившуюся социальную роль с уже имеющимися: у женщин, например, — роли жены, матери, свекрови или тещи, которые часто противоречат друг другу. «Освоение прародительского статуса требует выработки новой внутриличностной позиции. Оптимальная готовность прародителей, бабушек и дедушек, состоит в осознании своей собственной особой роли»[16].

Еще одной составляющей субкультуры является *способ деятельности*. Он также определяется социальной ситуацией развития. Для периода поздней взрослости типичным является выход на пенсию, прекращение профессиональной деятельности. На наш взгляд, достаточно конструктивным при описании способа деятельности людей периода поздней взрослости будет использование понятия *образа жизни*. В «Философском энциклопедическом словаре» дается следующее определение данному понятию: *«Образ жизни — философско-социологическая категория, охватывающая совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, которая берется в единстве с условиями жизни. Дает возможность комплексно, но во взаимосвязи рассматривать основные сферы жизнедеятельности людей: их труд, быт, общественную жизнь и культуру, выявлять причины их поведения (стиль жизни), обусловленного укладом, уровнем, качеством жизни»*[17].

Таким образом, данное понятие позволяет описывать самые различные виды активности пожилых людей (семейную, бытовую и т. д., в том числе профессиональную, если она присутствует). Оно также позволяет рассматривать особенности образа жизни старшего поколения как на макро-, так и на микроуровне.

Макроуровень предполагает изучение того, какие условия создает то или иное государство для пожилых людей (льготы, субсидии, медицинское обслуживание, возможности образования, участия в общественной жизни и т. д.) и является объектом, в основном, социальных наук. Важным аспектом при этом является

изучение качества жизни пожилых и старых людей. Доказано, что образ жизни является одной из важных предпосылок долгожительства. Он влияет не только на физическое, но и на психическое здоровье, в частности, в лонгитюдном исследовании (г. Сиэттл, США) показано, что на сохранность интеллектуальных функций существенное влияние оказывают такие факторы, как отсутствие сердечно-сосудистых и других хронических болезней, проживание в благоприятных социально-экономических условиях, творческий характер деятельности[18].

Изучение образа жизни на микроуровне осуществляется как в социологических, так и в психологических исследованиях и предполагает описание типичной жизни пожилых. В социальной геронтологии образ жизни понимается «как совокупность конкретных подходов каждого человека к использованию ресурсов и возможностей, предоставляемых ему социальными условиями, традициями, образованием, рыночными отношениями»[19].

В научной литературе изучаются разные аспекты образа жизни. Так, в исследовании Н. Г. Ковалевой и Б. Г. Тукумцева[20] образ жизни рассматривается как характер *социальной активности,* которая выступает в качестве важного фактора адаптации к жизни на пенсии.

Несколько иной аспект представлен в социально-медицинских исследованиях. Здесь акцент делается на *активности, связанной с поддержанием здоровья*. Данный подход наметился и в работах психологов. В частности, Г. С. Никифоров и Л. И. Августова, анализируя психическое старение, рассматривают образ жизни пожилых людей и выделяют следующие моменты: питание, сон, работоспособность, семья и общение, смерть близких, одиночество. Изучение данного аспекта, безусловно, важно для понимания сущности геронтокультуры, поскольку поддержание здоровья является одной из очевидных задач последнего периода жизни[21].

На наш взгляд, при описании образа жизни пожилых людей важен еще один аспект, характеризующий геронтокультуру: речь идет о такой специфической внутренней психической форме активности, как *воспоминания*. Помимо того, что воспоминания имеют большую культурную и историческую ценность, и, следовательно, могут стать предметом специального исследования, они играют важную роль в решении главной задачи развития в период поздней взрослости, связанной с интеграцией личности. Р. Батлер, использовавший воспоминания в психотерапевтических целях, пришел к выводу, что обозрение жизни — это нормативный процесс прихода людей к концу жизни, принятия себя перед смертью[22].

Таким образом, в структуру геронтокультуры входят компоненты, присущие любой возрастной субкультуре и имеющие свою специфику, что является косвенным доказательством существования геронтокультуры как особого феномена. Необходимо также понимать, что поскольку геронтокультура еще не приобрела устойчивых форм, наряду со специфическими возрастными проявлениями она неизбежно будет содержать и проявления, характерные для определенного общества. Особенно яркими будут различия в обществах с разным уровнем экономического развития, с различным менталитетом и культурными традициями. Анализ геронтокультуры в узком значении должен опираться на осмысление и анализ социальной ситуации развития и задачи развития личности в период поздней взрослости.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Абраменкова В. В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.; Воронеж, 2000.

[2] Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П–Я) / Пер. с англ. М., 1999. С. 308.

[3] *Лоусон Т., Гэррод Д.* Социология. А–Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М., 2000. С. 467.

[4] Психология: Учебник / Под ред. А. А. Крылова. М., 1998.

[5] *Козырьков В. П.* Пожилой человек как социокультурный тип // Психология старости и старения: Хрестоматия: Учеб. пособ. для студентов психологических факультетов высших учебных заведений / Сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М., 2003. С. 73–77.

[6] *Сухобская Г. С., Божко Н. М.* Пожилой человек в современном мире: Пособие для социальных педагогов. СПб., 1998. С. 32.

[7] *Абраменкова В. В.* Указ. изд. С. 325.

[8] *Краснова О. В.* История старости как история формирования аттитюдов к пожилым и старикам в обществе // Психология зрелости и старения. 2001. № 1 (13). С. 28–41.

[9] *Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г.* Социальная геронтология: Уч. пособ. для студентов высших учебных заведений. М., 1999.

[10] Указ. изд. С. 28–41.

[11] *Тукумцев Б. Г., Юсупова О. В.* Отношение молодежи к пожилым людям // Психология зрелости и старения. 2002. № 3 (19). С. 122–135.

[12] *Альдохина Е. Н.* Стереотипные представления детей и подростков о пожилых людях// Психология зрелости и старения. 2002. № 3 (19). С. 63–88.

[13] *Краснова О. В.* Пожилые люди в своей семье — юридическая и социальная ответственность (реферативный обзор исследования) // Психология зрелости и старения. 2002. № 3 (19). С. 5–62.

[14] *Шилова Г. С.* Образ пожилых людей в российских газетах (1999 г.) // Психология зрелости и старения. 2000. № 3(11). С. 151–163.

[15] *Данилова О. Н.* Образ старости на российском телевидении // Наука о культуре: Итоги и перспективы / Научно-информ. сб. Вып. 1. М., 2001.

[16] *Шаповаленко И. В.* Прародители в системе семейных отношений // Психология зрелости и старения. 2002. № 2 (18). С. 24–35.

[17] Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

[18] *Шай К. У.* Интеллектуальное развитие взрослых // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6. С. 72–88.

[19] *Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г.* Социальная геронтология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1999.

[20] *Ковалева Н. Г., Тукумцев Б. Г.* Образ жизни как фактор адаптации к жизни на пенсии // Психология зрелости и старения. 2004. № 2 (26). С. 34–53.

[21] *Никифоров Г. С., Августова Л. И.* Психическое старение // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. Вып. 3 (№ 22). С. 86–97.

[22] *Краснова О. В.* Воспоминания старых людей: рассказ историй, биография и терапия «лайф-ревю» // Психология зрелости и старения. 2002. № 1 (17). С. 111–125.

V. Lemish

GERONTOCULTURE PHENOMENON: PROBLEMS OF RESEARCH

An attempt is made to substantiate the existence of a subculture of aging as a particular phenomenon. Values, types of communication and lifestyle are considered as structural elements of gerontoculture. These components have been analyzed from the point of view of their particular features at social and psychological levels.